

7. Реакция, цензурная ревизия и библиография

¹⁰⁵ — Одним из первых реакционных актов было учреждение в 1811 г. Министерства полиции. В обязанности «особой канцелярии» министра полиции вошла вновь установленная функция — «цензурная ревизия», т. е. надзор за типографиями и книжной торговлей, «чтоб не обращались книги, журналы, мелкие сочинения и листки без установленного от правительства дозволения...»

Министерство полиции фактически было создано в 1810 г., официально учреждено 25 июня 1811 г.

Учреждение самостоятельного Министерства полиции было вызвано как необходимостью усиления мер контроля в преддверии очевидной войны с Францией, так и сложной бюрократической интригой — по замыслу Александра I внезапное возвышение в административной системе А. Д. Балашова,⁽¹⁾ назначенного министром полиции, должно было умень-

шить влияние М. М. Сперанского, деятельность которого (в частности, его связи с масонскими кругами) к тому времени вызывала опасения императора. Говорить об учреждении Министерства полиции как о «реакционном акте» (в том понимании, которое вкладывает в это Здобнов) неправомерно, так как данный акт следует скорее считать реакцией на обострение внешнеполитической и внутривнутриполитической обстановки — это проявление монаршей воли было вызвано государственными интересами, а по миновании надобности в 1819 г. Министерство полиции было упразднено.

Сведения о работе «особой канцелярии» Здобнов приводит по работе П. К. Щебальского.⁽²⁾ Начальником Особой канцелярии был назначен Я. И. Де Санглен (1776–1864) — человек с несомненными литературными дарованиями.⁽³⁾ Сведений о том, что он занимался «цензурной ревизией», не сохранилось — несомненной же заслугой Де Санглена явилось создание эффективной системы контршпионажа, чем, собственно и занималась подведомственная ему структура. Весьма вероятно, что официально провозглашенная цензурная функция Особой канцелярии в определенной степени была прикрытием ее основной, секретной, деятельности. (В ряде своих действий Де Санглен был подотчетен даже не министру Балашову, а самому императору.) Щебальский в работе по истории цензуры (одно из первых в России исследований такого рода) руководствовался по преимуществу опубликованными официальными материалами, и сообщенные им сведения вполне удовлетворили Здобнова. Однако следует отметить, что с достаточной достоверностью ряд эпизодов александровской эпохи (в частности, деятельность Особой канцелярии) получил освещение лишь в последнее десятилетие XX в. и, естественно, не мог быть отражен в труде Здобнова.

Разноречивость выводов о ряде важнейших событий русской истории 1810-х гг., сделанных исследователями за полтора века, начиная с появления основополагающего труда М. А. Корфа⁽⁴⁾ (при том, что значительная часть архивных материалов, в том числе дневники Балашова и полный текст записок Де Санглена, до настоящего времени не введены в научный оборот), не позволяет дать точный ответ, были ли свойственны Особой канцелярии, помимо перлюстрации, также и цензурные функции.

¹⁰⁶ — ...для такой «проверки цензуры» <...> был учрежден специальный комитет <...> который должен был просматривать все вновь издаваемые с разрешения цензуры книги на русском языке. Для облегчения работы этого комитета министр полиции генерал-адъютант Балашов потребовал, чтобы цензурные комитеты представляли ему библиографические сведения о вновь разрешаемых к печати книгах. <...> Учрежденный в 1810 г. комитет «цензурной ревизии», по словам официального историка цензуры, «не нашел для себя пищи», так как вскоре начавшаяся война 1812 г. вызвала поток патриотической литературы и «либеральные мечтания» заглохли.

Видимо, «официальный историк цензуры», о котором пишет Здобнов, это П. К. Щебальский, хотя точного цитирования в данном случае Здобнов не дает. Щебальский писал: «...общественная мысль приняла такое направление, которое оставляло мало пищи цензуре...».⁽⁵⁾

Следует отметить, что Здобнов рисует весьма мрачную картину «цензурной ревизии», выразившейся в том, что министр полиции Балашов в 1810 г. (т. е. в самое либеральное время) потребовал от Министерства народного просвещения представление списков процензурованных книг. Однако, как пишет и сам Здобнов, «цензурно-полицейская служба» в данном случае не состоялась. Комитет Балашова (если он вообще существовал) «не нашел для себя пищи» и прекратил свою деятельность, не оставив никакого следа ни в истории цензуры, ни тем более в истории библиографии. Вынесение словосочетания «цензурная ревизия» в заголовок параграфа, где о ней, в сущности, ничего не сообщается, наглядно свидетельствует об умозрительном характере данного построения.

¹⁰⁷ — Либеральный цензурный устав 1804 г. уже давно потерял свою силу, и с 1820 г. начинается разработка нового цензурного устава с целью «предотвратить надолго веру, правительство и народные нравы от повсеместного на них посягательства»...

В 1820-е гг. действительно осуществлялась разработка нового цензурного устава, принятого в 1826 г. Здобнов цитирует фразы из доклада министра народного просвещения А. С. Шишкова Александру I, в котором говорилось, что новый устав «послужит к ограж-

дению Веры отцов наших, преданности к Престолу, любви к отечеству и чистоты нравов народных».⁽⁶⁾

¹⁰⁸ — *Мракобесие становится главным началом внутренней политики второй половины царствования Александра I. Аракчеев, Магницкий и Рунич символизируют эту политику. Обсуждается вопрос о полной ликвидации высшего образования, и хотя дело до этого не дошло, но были разгромлены за «вредное направление» сначала Харьковский университет (1816), затем Казанский университет (1819) и Петербургский университет (1821).*

Разгром университетов — Харьковского, Казанского и Петербургского — одна из наиболее мрачных страниц александровского царствования. Любопытно, однако, что уволенные профессора А. И. Галич, Э. В. Раупах, К. Ф. Герман и К. И. Арсеньев продолжали свою деятельность в частном порядке. Д. П. Рунич, ревизовавший Петербургский университет, в своем доносе утверждал, что книга Галича «История философских систем, по иностранным руководствам составленная» (СПб., 1818) подобна «тлетворному яду или заряженным пистолетам, положенным среди играющих детей». Однако, несмотря на такую аттестацию, Галичу позволили читать на дому платные лекции (причем неимущих молодых людей он обучал бесплатно; один из них — известный А. В. Никитенко).⁽⁷⁾ То же можно сказать и о судьбе А. П. Куницына, в отношении которого М. Л. Магницкий утверждал, что его книга «Право естественное», изданная на русском языке в Петербурге в 1818–1820 гг., вызвала революцию в Неаполе. Возможно, абсурдность подобных утверждений и спасла этих замечательных лекторов от более суровых наказаний.

¹⁰⁹ — *Реакция не могла вполне задушить ни общественное движение, завершившееся в этот период времени восстанием декабристов, ни литературу, давшую Рылеева и Пушкина, ни науку и библиографию, однако на развитии науки и библиографии, как увидим ниже, она отозвалась чрезвычайно тяжело. Появление в 1813–1821 гг. знаменитого «Опыта российской библиографии» Сопикова, а также и библиографическая деятельность Анастасевича ничуть не опровергает этого положения; напротив, подтверждает его.*

Вопросы эволюции внутренней политики самодержавия первой четверти XIX в. в отношении духовной и интеллектуальной жизни России рассмотрены с достаточной полнотой в ряде обобщающих трудов.⁽⁸⁾ Когда Здобнов говорит о наступлении «реакции» во второй половине александровской эпохи, следует помнить, что в это время зарождаются декабристские организации (с 1816 г.), о которых власти знали, но не разгромили их, в этот период выходят из печати один за другим тома «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина, явившейся большим общественным событием, в эти годы написаны «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Борис Годунов» А. С. Пушкина и первая русская опера, возникают литературные салоны, развивается книгопечатание. К важным общественно-культурным событиям этого периода относится и открытие Императорской Публичной библиотеки. Что же касается библиографии, то она переживала эпоху бурного расцвета. Утверждение Здобнова о том, что «реакция не могла вполне задушить ни общественное движение <...> ни литературу <...> ни науку и библиографию, однако на развитии науки и библиографии <...> она отозвалась чрезвычайно тяжело», вызывает недоумение. Непонятно, почему в эпоху, когда был издан знаменитый «Опыт российской библиографии» Сопикова, когда активно осуществлялась библиографическая деятельность митрополита Евгения (Болховитинова) и Анастасевича, Здобнов пишет о «тяжелом» состоянии библиографии. Это странное утверждение не подтверждается фактами.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) О нем см.: Балашов Александр Дмитриевич // РБС. [Т.] Алексинский — Бестужев-Рюмин. СПб., 1900. С. 442–444; Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений, 1802–1917: библиогр. справ. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 60–64.

(2) Щербальский П. К. Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 21–23.

(3) О нем см.: Лепехин М. П. 1) Санглен Яков Иванович, де // Русские писатели, 1800–1917: биогр. слов. М., 2007. Т. 5. С. 489–491; 2) Iakov Ivanovitch de Saint-Glin (1776–1864), frank-maçon pour le service du tsar // Slavica Occitania. Toulouse, 2007. [Т.] 24: La franc-maçonnerie et la culture russe. P. 273–306.

- (4) *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. СПб. : Имп. Пуб. б-ка, 1861. Т. 1–2.
- (5) *Щебальский П. К.* Исторические сведения о цензуре... С. 23.
- (6) См.: Устав о цензуре. СПб., 1826. С. 6.
- (7) Об этом см.: *Никитенко А. В.* Дневник. М., 1956. Т. 1. С. 78.
- (8) См.: *Булич Н. Н.* Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. 2-е изд. / с предисл. Н. К. Кульмана. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. X, [2], 712 с.; *Пытин А. Н.* Религиозные движения при Александре I / предисл. А. Н. Цамутали. СПб. : Академический проект, 2000. 477, [2] с. : ил., портр. (Пушкинская библиотека); *Пытин А. Н.* Общественное движение при Александре I. СПб. : Академический проект, 2001. 556, [1] с. : ил., портр. (Пушкинская библиотека ; т. 14); *Серков А. И.* История русского масонства XIX века. СПб. : Изд-во им. Н. И. Новикова, 2000. 390, [3] с. : ил. (Русское масонство : материалы и исследования ; [вып.] 4); *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой половине XIX в.: правительственная политика и общественное мнение / РАН, С.-Петербург. ин-т истории. СПб. : Лики России, 2009. 911 с.

Л. М. Равич, М. П. Лепехин